

А. И. Незеленов

**Литературные направления в
Екатерининскую эпоху**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н44

Н44 **Незеленов А.И.**
Литературные направления в Екатерининскую эпоху / А. И. Незеленов – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 408 с.

ISBN 978-5-4241-9673-7

ISBN 978-5-4241-9673-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новая русская литература—область мало изслѣдованная, и исторія ея—наука очень молодая. Въ наукѣ этой есть нѣсколько цѣнныхъ, прекрасныхъ, можно сказать—капитальныхъ сочиненій; но законы ея движенія и развитія еще далеко не открыты; благодарный трудъ этотъ ждетъ еще работниковъ.

Предлагаемое нынѣ читателю сочиненіе изъ сферы этой науки, сочиненіе о литературѣ Екатерининской эпохи—не претендуетъ на полноту разсматриваемаго матеріала и на названіе исторіи даннаго времени. Задача автора была болѣе скромная: онъ хотѣлъ ориентироваться въ массѣ мало оцѣненныхъ еще по ихъ историческому значенію литературныхъ фактовъ, попытаться распредѣлить ихъ въ систематическомъ порядкѣ, и такимъ образомъ построить гипотезу о законахъ развитія литературы Екатерининскаго времени.—Съ величайшей благодарностью приметъ онъ всякое замѣчаніе критики о своемъ трудѣ.

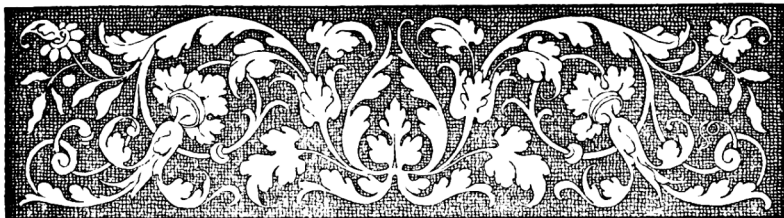
Авторъ позволяетъ себѣ указать еще на одну сторону своего сочиненія (такъ-сказать педагогическую, могущую пригодиться для начинающихъ заниматься наукой, для студентовъ): попытка распредѣленія литературнаго матерьяла въ систематическій порядокъ открываетъ нѣсколько задачъ для научно-литературныхъ работъ (выполненіе которыхъ можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и провѣркой высказанныхъ въ книгѣ мыслей и предпо-

ложеній). Такъ, въ сочиненіи сдѣлана попытка разграничить «комедію» и «комическую оперу», какъ два совершенно различныхъ по духу вида драматическихъ произведеній Екатерининской эпохи; для примѣра разобрано нѣсколько піесъ того и другаго порядка. Анализъ всѣхъ или бѣльшей части «комическихъ оперъ» и «комедій» (при пособіи, главнымъ образомъ, «Россійскаго театра», изданнаго Россійской Академіей въ 80-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, въ 43 частяхъ) можетъ привести къ подтвержденію или видоизмѣненію этой мысли.—Въ сочиненіи разсмотрѣно нѣсколько журналовъ Екатерининскихъ временъ, и изданія эти распределены по различнымъ направленіямъ литературы. Анализъ другихъ журналовъ (прекрасное библиографическое описаніе ихъ сдѣлано г. Неустроевымъ въ книгѣ «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ отъ 1703 по 1802 годъ. Спб. 1875 г.») можетъ привести къ болѣе или менѣе важнымъ заключеніямъ.— Оригинальныя сочиненія русскихъ масоновъ, равно какъ и переводныя масонскія произведенія очень мало изслѣдованы въ нашей наукѣ; разсмотрѣніе ихъ представляетъ не малый интересъ, ввиду важности роли мистическо-нравоучительнаго направленія въ словесности Екатерининской эпохи.—Подобныхъ задачъ въ литературѣ даннаго времени найдется не мало.

Настоящее сочиненіе, появляющееся отдѣльною книгою, было напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1882, 1883, 1884, 1886 и 1887 годовъ, ввидѣ отдѣльныхъ статей. Статьи эти сведены здѣсь въ одно цѣлое и дополнены главою «*Заключеніе*».

9 Января 1889 г.

А. Незеленовъ.

СКЕПТИЧЕСКО-МАТЕРЬЯЛИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Общій характеръ литературы Екатерининской эпохи.

Новая русская литература, какъ и новая наша исторія, началась съ Петра Великаго.

На грандіозную личность Преобразователя до сихъ поръ не установилось еще общаго взгляда ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Одни думаютъ, что онъ порвалъ (или по крайней мѣрѣ хотѣлъ порвать) связи съ прошлымъ русской земли и толкнулъ насъ на проторенную колею европейской исторіи; другіе не хотятъ видѣть въ его реформахъ переворота и полагаютъ, что эти реформы имѣютъ *прямую*, непосредственную связь съ прошлымъ и вызваны естественнымъ и даже спокойнымъ ходомъ историческаго развитія. Оба взгляда могутъ быть названы ошибочными по-стольку, по-скольку они оба вдаются въ крайность. Не говоря уже о невозможности полнаго, настоящаго разрыва съ историческимъ прошлымъ. Петрули, этому-ли русскому съ ногъ до головы челоуѣку, русскому и по простотѣ души, и по здоровой трезвости ума,—ему ли было желать разрыва съ родною почвой? Что же

касается, съ другой стороны, до такъ-сказать ожидаемой естественности его преобразованія, то это болѣе чѣмъ сомнительно. Преобразование было именно *переворотомъ*, ибо оно создало необычайное въ исторіи явленіе: прошлое Запада, прошлое чужихъ странъ стало для насъ, русскихъ, нашимъ прошлымъ. Ничего подобнаго ни французъ, ни нѣмецъ и никто другой не испыталъ. Мы, русское общество, созданное реформой Петра, — наследники не только образованности нашихъ предковъ, но и богатыхъ цивилизацій западныхъ народовъ. Для насъ, крестовые походы, реформація — чуть не такое же, или почти такое же, родное прошлое, какъ татарское иго или 1612 годъ на Руси? Кому изъ насъ Шекспиръ не такъ же близокъ, какъ «Слово о полку Игоревѣ»? Въ блестящихъ произведеніяхъ нашей новѣйшей литературы мы видимъ слѣды какъ нашей собственной старой жизни, такъ и западно-европейской. Напримѣръ, «Борисъ Годуновъ» Пушкина написанъ подъ вліяніями: съ одной стороны—Шекспира, съ другой—народной русской поэзіи и русскихъ лѣтописей.

Не переставая быть самими собою (хотя иной разъ и казалось, что мы отреклись отъ себя), мы, со временъ гениальнаго Преобразователя, стали жадно и страстно усваивать себѣ и формы, и содержаніе чужихъ жизней. Выходилъ подѣ-часъ хаосъ невообразимый; но здоровая природа русской души все выносила,—и чужое добро незамѣтно и тайно сливалось съ роднымъ богатствомъ. Этотъ необычайный и великій историческій процессъ еще далеко не завершился; но мы настолько уже вышли изъ начальнаго его хаоса, что можемъ оглянуться назадъ и посмотрѣть на него объективно: бродячія силы успокоились, и для нѣскольکو чуткаго уха и зоркаго глаза уже начинаетъ выясняться новая, *наша* идея, новый духовный образъ, своеобразное міросозерцаніе.

Этотъ историческій духовный процессъ сильнѣе и яснѣе всего выразился въ литературѣ.

Наша новая литература распадается на довольно опредѣленные періоды. Первый изъ нихъ можетъ быть обозначенъ именемъ своего главнаго представителя—*Ломоносова*; этотъ періодъ—эпоха подготовки, время общаго ознакомленія нашего съ доставшимся намъ богатымъ духовнымъ наслѣдствомъ Запада, такъ сказать—введеніе во владѣніе имъ путемъ доказательства нашихъ правъ на это владѣніе.

Самъ Ломоносовъ такъ опредѣляетъ (въ письмѣ къ Теплову отъ 30 января 1761 года) ¹⁾ значеніе своей дѣятельности:

«что жъ до меня принадлежать, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріателями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже боюсь 20 лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину».

Цѣлью и внутреннимъ смысломъ дѣятельности нашего перваго великаго писателя было дать примѣры во всѣхъ видахъ литературныхъ произведеній, доказать нашу способность ко всему. И онъ исполнилъ задачу, пожертвовавъ для нея своею европейскою славой: не можетъ быть сомнѣнія, что Ломоносовъ совершилъ бы великія открытія въ области естествознанія, если бы сосредоточился на занятіи имъ, ибо при своей геніальности онъ стоялъ на высотѣ современныхъ ему знаній; но онъ предпочелъ разбросаться по разнымъ областямъ науки и литературы, размѣнять по мелочамъ свои силы. И вѣчная слава ему за этотъ великій подвигъ любви къ родной землѣ! Ломоносовъ породнилъ насъ и съ наукой, и съ поэзіей Запада, внося въ нихъ въ то же время наше русское содержаніе; онъ открылъ широкій путь русской мысли.

За ломоносовскимъ періодомъ слѣдуетъ *литература Екатерининской эпохи*, отличающаяся другимъ характе-

¹⁾ Пекарскій, Биографія Ломоносова, стр. 726.

ромъ. Къ намъ приходятъ въ это время съ Запада уже не просто различныя формы умственной дѣятельности, а различныя *направленія мысли*. Возникаетъ борьба этихъ направленій, борьба, получающая высокое значеніе и интересъ между прочимъ потому, что въ нее вступаетъ возникающее тогда же самобытное, такъ сказать, *исключительно-національное направленіе*. Иностранныхъ направленій въ это время у насъ два: *скептическо-матерьялистическое* и *мистическо-нравоучительное*. Одно изъ нихъ возникло подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка, другое подъ вліяніемъ идей мистическихъ. — Три названныя теченія мысли развиваются не въ преемственной, хронологической послѣдовательности, смѣняя другъ друга, а идутъ параллельно, одновременно, иной разъ враждебно сталкиваясь, иной разъ мирно сливаясь между собою, причемъ зачастую однѣ и тѣ-же личности, одни и тѣ-же писатели совмѣщаютъ въ себѣ повидимому совершенно несовмѣстимыя, противорѣчащія другъ другу, начала. Литература даннаго періода представляетъ хаотическое броженіе всевозможныхъ идей, страстно усвояемымъ русскимъ обществомъ. Но этотъ хаосъ не былъ признакомъ разложенія жизни: изъ него долженъ былъ сложиться новый міръ. Надъ хаосомъ носился творческій геній русскаго народа. И уже въ Екатерининскую эпоху мы видимъ первые признаки новаго, самобытнаго направленія русской литературы, выработывавшагося изъ сліянія разнообразныхъ идей. Два писателя съ огромными (хотя далеко не равномѣрно развившимися) силами не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ названныхъ выше направленій, стоятъ внѣ или (лучше сказать) выше ихъ односторонности: это — поэтъ (къ сожалѣнію мало понимавшій значеніе поэзіи) *Державинъ* и издатель журналовъ, сатирикъ и мыслитель — *Новиковъ*. Сказавшись у перваго лишь инстинктив-

ными проблесками вдохновенія, самобытное направленіе у второго изъ этихъ писателей, бывшаго прежде представителемъ различныхъ направленій, выразилось въ позднѣйшихъ его журналахъ выработкой вызвышеннаго, оригинальнаго міросозерцанія, на которомъ воспитались подъ его личнымъ руководствомъ лучшіе представители молодаго поколѣнія, читатели и сотрудники его изданій. Къ числу этихъ молодыхъ людей принадлежалъ и Карамзинъ, тотъ Карамзинъ, съ котораго начинается новый, третій періодъ литературы, смѣнившій періодъ броженія и борьбы идей Екатерининской эпохи.

Разсматривая словесность Екатерининскаго времени (предметъ настоящаго сочиненія), прежде всего должно изъ различныхъ ея умственныхъ теченій обратиться къ той струѣ, которую я назвалъ «скептическо-матерьялистическимъ» направленіемъ: это направленіе пользовалось особою славой и считалось въ свое время господствующимъ въ жизни.

Оно возникло подъ вліяніемъ такъ называемой «освободительной» философіи XVIII вѣка. Извѣстно, какъ сильно дѣйствовала эта философія на всѣ страны Европы, и своими свѣтлыми сторонами — борьбой съ предрасудками и суевѣріями, и сторонами темными — своими матерьялистическими вѣрованіями. Русское общество Екатерининскаго вѣка было тоже подъ обаяніемъ знаменитыхъ идей. Масса сочиненій энциклопедистовъ ввозилась въ Россію; множество ихъ переводилось на русскій языкъ. Имъ покровительствовала императрица Екатерина, гордившаяся именемъ ученицы Вольтера. Свободомысліе дѣлало у насъ блестящіе успѣхи. Надо сказать, однако, что нами прежде всего усвоивалась легкомысленная сторона философскихъ идей Франціи: въ Россіи появилось множество «вольтерьянцевъ», т. е. легкомысленныхъ скептиковъ и атеистовъ, которые слѣдовали ученію Гельвеція, Голь-

баха и другихъ, что жизнь человѣка ограничивается землею, что такъ называемая духовная дѣятельность есть продуктъ матерьяльныхъ процессовъ тѣла, и которые спѣшили наслаждаться преходящими благами временной жизни, не заботясь ни о будущемъ, ни о достоинствѣ средствъ добыванія этихъ благъ. — Къ сожалѣнiю, бѣготраднѣй скептицизмъ и матерьялизмъ подрывали пороку дѣятельность и серьезныхъ, даровитыхъ людей. Таковъ, на примѣръ, Добрынинъ, авторъ талантливыхъ, истинно-художественныхъ записокъ о своей жизни, ничего кромѣ этихъ записокъ не написавшій. Онъ съ тоскою все подорвавшего въ душѣ сомнѣнiя разсуждаетъ въ нихъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

«Бѣдное и бѣдствующее творенiе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и прiятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но въ самомъ дѣлѣ одна уже во мрачнѣйшій ужасъ облеченная смерть достаточно его просвѣтитъ, что обитаемый нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго»¹⁾.

Впрочемъ эти скорбныя слова свидѣтельствуютъ и о влиянiи серьезной стороны идей освободительной философи на нашу жизнь. Это влиянiе у насъ также было, и также въ значительныхъ размѣрахъ. Но мы постараемся указать на его проявленiя при разсмотрѣнiи соответствующихъ литературныхъ фактовъ.

II.

Вольтеръ. Влiянiе его и другихъ философовъ XVIII вѣка на русское общество.

1.

Не будемъ предпосылать разбору русскихъ литературныхъ явленiй общаго очерка дѣятельности энциклопедистовъ: такой очеркъ можно найти въ любой исторiи

---

¹⁾ Истинное повѣствованiе или жизнь Гавриила Добрынина, имъ самимъ писанная. Въ 3 част. Спб. 1872. Изд. 2-е, стр. 139. (Перв. изд. въ «Рус. Стар.» 1771 г. т. III и IV).

всеобщей словесности; кромѣ того намъ придется говорить о томъ или другомъ философѣ XVIII вѣка при разборѣ тѣхъ литературныхъ фактовъ, которые именно изъ этого философа берутъ свое начало. Но остановимся на характеристикѣ нѣкоторыхъ воззрѣній главнаго изъ знаменитыхъ писателей XVIII вѣка—*Вольтера*. Должно сдѣлать это, во 1-хъ, потому, что Вольтеръ по-праву можетъ быть названъ представителемъ своего времени: онъ—несомнѣнный и единственный между «философами» вѣка гений, и въ то же время онъ человекъ не вдававшийся въ одностороннія крайности, какъ, на примѣръ, Гельвецій, или баронъ Гольбахъ, не носившійся по вѣтру идей, какъ, на примѣръ, Дидро, этотъ по словамъ нашего великаго поэта:

То читатель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ.

Во 2-хъ, должно остановиться на личности Вольтера потому еще, что онъ имѣлъ у насъ сильнѣйшее вліяніе, несомнѣнно сильнѣйшее, чѣмъ всѣ современные ему писатели. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ масса переводовъ изъ него ¹⁾, такъ всего болѣе образовавшееся въ языкѣ нашемъ слово «вольтерьянецъ»; это слово обозначало вообще представителя новыхъ свободныхъ идей, которыя отождествлялись въ умахъ нашихъ предковъ съ дѣятельностью именно и преимущественно Вольтера. Самое слово «Вольтеръ» сдѣлалось у насъ даже нарицательнымъ:

«Фельдфебеля въ вольтеры дамъ!»

выражается Скалозубъ въ комедіи «Горе отъ ума», желая сказать: дамъ въ учителя.

Геніальная личность Фернейскаго философа и невольно къ себѣ привлекаетъ, и невольно отъ себя отталкиваетъ. Есть что-то чарующее, обольщающее и вмѣстѣ ненавистное душѣ въ этомъ скептическомъ, остромъ, могучемъ,

---

¹⁾ См. Сопкиова. — Также: ст. г. Языкова: «Вольтеръ въ русской литературѣ. Историко-библіографическій этюдъ». (Древн. и Нов. Россія. 1878 г. № 9).

холодномъ и циническомъ умѣ, такъ прекрасно выражающемся въ змѣиной улыбкѣ на его извѣстномъ изваяніи. И вотъ почему трудно хладнокровно, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, анализировать эту колоссальную личность. Судь человека надъ человекомъ вообще рѣдко бываетъ вполне свободнымъ, т. е. вполне безпристрастнымъ: извѣстныя убѣжденія, извѣстное направленіе влекутъ каждаго изъ насъ болѣе или менѣе въ односторонность. Но въ этомъ отношеніи очень важны и цѣнны приговоры поэтовъ. Древніе называли поэта—*vates*, и были совершенно правы: поэтъ (въ этомъ и заключается сущность поэзіи) смотритъ на жизнь не съ той или другой точки зрѣнія,—онъ живетъ и судитъ всею полнотою души; и потому судъ его чуждъ односторонности, безпристрастенъ и правдивъ, ибо его міросозерцаніе—міросозерцаніе цѣлостной и не-раздвоенной души. Начнемъ рѣчь о Вольтерѣ ссылкой на отзывы о немъ двухъ великихъ поэтовъ.

Намекая на поэму «*Pucelle d'Orléan*», Шиллеръ такъ отзываясь о Вольтерѣ въ своемъ стихотвореніи «*Орлеанской дѣвѣ*»¹⁾.

Стараясь исказитъ твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать;
Вражду цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣрить ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ Ангеловъ святыхъ—и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства.

Гораздо мягче приговоръ надъ великимъ писателемъ нашего Пушкина: въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній—въ «*Посланіи къ князю Юсупову*» великій русскій поэтъ такъ характеризуетъ Вольтера, обращаясь къ Екатерининскому вельможѣ, посѣтившему Ферней:

Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней,—и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронирливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,

¹⁾ Соч. Шиллера въ пер. русск. поэтовъ, подъ ред. Гербеля, т. I, стр. 97.